

АКТУАЛЬНО

Работа над ошибками: «Разговор, даст бог, не последний»

Как уже сообщала «Наука в Сибири», в Совете Федерации прошел круглый стол по вопросам реализации Федерального закона «О Российской академии наук...». Проблем было затронуто настолько много, что готовый проект решения отправлен на доработку с учетом предложений выступавших. А именно:

Запрягать лошадь впереди телеги

Основная претензия ученых и к закону, и к реформе в целом — это нелогичность. По идее, сначала следовало адекватно оценить собственные силы (уровень российской науки на мировой арене, передовые позиции и области отставания, резервы и т.п.), определить приоритеты, формализовать их, потом провести оценку эффективности научных организаций... И на основании всего этого принимать управленческие решения: никак не до и не вместо. События 2012—2013 гг. демонстрируют почти абсолютно обратную последовательность. Поэтому звучат жесткие оценки. «Мы ходим вокруг да около итогов реформ, — считает сенатор от Бурятии чл.-корр. РАН **Арнольд Кириллович Тулохонов**. — Ни одного позитивного результата нет». «Прошедший год был в основном посвящен минимизации ущербов от нового закона», — соглашается с ним председатель профсоюза работников РАН **Виктор Петрович Калинушкин**.

О ключевой проблеме говорил член Совфеда **Виктор Семенович Косоуров**: «Прежде всего необходима осознанная государственная политика в научной сфере». С ним согласен и руководитель ФАНО России **Михаил Михайлович Котюков**. Он предложил внести изменения в «Программу фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013—2020 гг.» в части определения приоритетных направлений развития фундаментальной науки, а также отредактировать госпрограмму «Развитие науки и технологий на 2013—2020 гг.» «...с учетом необходимости определения единых подходов к институциональным преобразованиям научных организаций».

Поэтому в проекте решения круглого стола записано: «Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию... рассмотреть возмож-

ность разработки и принятия комплексного стратегического документа, определяющего цели и приоритеты государственной политики... в сфере науки и технологий». Обсуждаемый ФЗ-253 тоже признан подлежащим изменениям и поправкам. Да и к его применению есть много претензий. Как сказал заместитель президента РАН **Владимир Викторович Иванов**, «...Закон должны соблюдать все, а не только Российская академия наук!»

Отказаться от «всего и сразу»

В докладе замминистра образования и науки РФ **Людмила Михайловны Огородовой** (со словами «новые задачи РАН» в подзаголовке) перед Академией был поставлен тройственный ориентир. По части фундаментальной науки достичь ровно 2,44% от мирового потока публикаций; в области разработок и инноваций финан-

сирование должно составить 1,77% от ВВП (участники круглого стола оценили эту цифру как явно недостаточную), а средний уровень дохода научного сотрудника — 200% от среднего же заработка по региону. Попутно в МОН посчитали все научно-исследовательские организации России: 44% приходится на академические (соблюдая формальности, Людмила Михайловна отнесла их к ФАНО), 17% составляет та самая вузовская наука (с которой связаны упования некоторых государственных умов на прорыв), остальные 39 — конгломерат институтов Минздрава, Минобороны, Роскосмоса и т.д. и т.п.

Михаил Котюков считал не «по головам», а по публикациям. И не без гордости отметил, что при наличии в подведомстве «половины научных сотрудников России», «...около 60% публикационного потока обеспечивается усилиями наших коллективов». При этом, с его слов, в 2014 году индекс совокупной публикационной активности по всем областям знаний для России составлял 2, для Индии — 4, США — 11, Великобритании — 12.

И все-таки, на что ориентироваться в первую очередь? Публикации в высокорейтинговых журналах отражают успехи, прежде всего, фундаментальных наук. «Мы все говорим о деньгах, — акцентировала Людмила Огородова, — но все говорят о бюджетных деньгах. Нельзя раздувать эту часть до бесконечности». До бесконечности, правда, далеко: по информации М. Котюкова, финансирование по линии ФАНО с отметки в 108 миллиардов рублей в 2014 году упадет до 90,1 в 2017-м. Долю, приходящуюся на фундаментальные работы, чиновник обещает

сохранить стабильной, на уровне 77—79 миллиардов, но уж никак не «раздувать».

«Внебюджетная компонента финансирования науки должна возрасти до 35—40%», — убеждена Людмила Огородова. Но даже «Газпром», скорее всего, не будет вкладывать средства в исследование элементарных частиц или изучение генома «денисовского человека». Фундаментальную науку (по крайней мере, в России) традиционно обеспечивает государство, прямо или опосредованно. Ученые определяют приоритеты, видя ситуацию изнутри сообщества (национального и международного), а государственные мужи — с позиций своего положения и ответственности. Накануне круглого стола президент РАН академик **Владимир Евгеньевич Фортов** встречался с **Владимиром Владимировичем Путиным**. «Практика общения с Президентом, — поделился глава Академии, — показывает, что он ждет от нас не общих схем, а конкретных предложений». Каковые, кстати, главе государства в тот день и поступили.

Но приоритеты в бюджетной поддержке науки — это приоритеты самой науки, с которыми ясности пока не прибавляется. А главной проблемой Владимир Фортов назвал «...общий процент средств, которые государство выделяет на науку». К тому же сама Академия лишилась финансирования на собственные изыскания. Как сказал Владимир Иванов, «...в РАН не предусмотрены деньги на фундаментальные исследования, на непосредственное проведение работ». Весь академический бюджет 2014 года, по данным Людмилы Огородовой, составил около 3,5 миллиардов рублей.

Заполнить белые пятна

Участники круглого стола отмечали два вида пустот и неясностей: как в самом ФЗ-253, так и в практике его применения. Начнем с первого. «Наибольший дефект закона, — сказал В. Фортов, — состоит в том, что нет четкого понимания, где компетенция РАН, а где ФАНО. Сказаны общие слова, которые можно трактовать по-разному». Заключенное же между ними соглашение касается взаимоотношений двух организаций, а не разграничения их миссий и функций. Владимир Иванов отметил «...сильное пересечение областей деятельности и полномочий» РАН, ФАНО и Минобрнауки. Он предложил развести их специальным указом Президента или

постановлением Правительства РФ.

Практически не проведены разделительные линии и в регионах, где есть отделения РАН, теруправления и институты ФАНО, а также отошедшие в его подведомство местные научные центры. «Региональные отделения — не совокупность институтов, а штабы науки, и во многих случаях — очаги культурной жизни, — считает председатель Уральского отделения РАН академик **Валерий Николаевич Чарушин**. — Они упоминаются в ФЗ-253, но фактически выпали из него. Отсюда много проблем, в том числе и имущественных». Направления, где разлом произошел «по живому телу» — это, к примеру, земельные отношения (институты числятся в ФАНО, а их участки в РАН) и жилищный вопрос (служебное жилье

для сотрудников «неакадемических» институтов принадлежит Академии и распределяется ею). «Совет Федерации — это палата регионов, — акцентировал Виктор Косоуров, — мы отстаивали юридическое лицо региональных отделений РАН, и что? Авторитет Сибирского и Уральского отделений достаточно мощный, но мы до конца не имеем должного нормативно-правового статуса этих организаций».

Другая лакуна федерального закона — экспертиза государственных проектов и программ, лишь «в общем и в целом» отнесенная к компетенции Академии наук. Арнольд Тулохонов привел в пример ситуацию, когда программа развития Дальнего Востока принималась без какого-либо академического участия при наличии на территории сразу двух отделений РАН.

(Окончание на стр. 8)

Фото Андрея Соболевского